

*Кортунов Сергей Вадимович,
заведующий кафедрой мировой политики
факультета мировой экономики и мировой политики
ГУ-ВШЭ*

Глава третья. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы

Стремительные изменения соотношения сил в мире в конце XX – начале XXI в. обусловили широкий интерес к проблемам национальной и международной безопасности. Этапами в их осмыслении стали такие государственные документы как Закон "О безопасности" 1992 г., Конституция Российской Федерации 1993 г., Концепция внешней политики РФ 1993 г., Основные положения военной доктрины 1993 г., Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 1996 г., Концепция национальной безопасности РФ 1997 г., Военная доктрина РФ 1998 г., Концепция национальной безопасности РФ 2000 г., Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., Концепции внешней политики РФ 2000 и 2008 г., ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, официальные выступления трех президентов РФ Б.Ельцина, В.Путина и Д.Медведева.

В 2000—2008 гг. особенно заметно проявился структурный кризис систем как международной, так и национальной безопасности. В эти годы набрал силу ряд новых явлений, которые в середине 90-х годов проявлялись не столь очевидно, как сейчас. Здесь имеются в виду: глобализация; кризис национальной идентичности, поразивший не только Россию, но и такие страны, как США, Германия, Франция; кризис глобального управления; международный (а более точно – транснациональный) терроризм¹; натиск мирового ислама; деградация ООН и других международных организаций и др. Все эти явления "накладываются" на проблемы национальной и международной безопасности и требуют своего осмысления и анализа.

12 июля 2008 г. Президент России Д.Медведев утвердил новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. Вкупе с его выступлениями в 2008 г. ее можно считать заявкой на новый этап не только внешнеполитической деятельности нашей страны, но и политики национальной и международной безопасности. 31 августа 2008 г., уже после кавказского военного конфликта России с Грузией, в интервью российским телеканалам Д.Медведев сформулировал пять основополагающих принципов российской внешней политики. **«Первая позиция** – Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами. И в рамках этих принципов, этой концепции международного права, мы и будем развивать наши отношения с другими государствами.

Второе – мир должен быть многополярным. Однополярность – неприемлема. Доминирование – недопустимо. Мы не можем принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки. Такой мир – неустойчив и грозит конфликтами.

Третье – Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. Россия не собирается изолироваться. Мы будем развивать настолько, насколько это будет возможно наши дружеские отношения и с Европой, и с Соединенными Штатами Америки, и с другими странами мира.

¹ Автор полагает, что укоренившийся в СМИ термин «международный терроризм» неадекватно отражает суть данного явления, и предпочитает употреблять более точный, на его взгляд, термин – транснациональный терроризм.

Четвертое – безусловным приоритетом является для нас защита жизни и достоинства наших граждан, где бы они ни находились. Из этого мы будем исходить при осуществлении своей внешней политики. Мы будем также защищать интересы нашего предпринимательского сообщества за границей. И всем должно быть понятно, что если кто-то будет совершать агрессивные вылазки, тот будет получать на это ответ.

И, наконец, **пятое**. У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах. И развивать такие дружеские отношения с этими государствами, с нашими близкими соседями».

Эта программа, на наш взгляд, должна сложиться в полноценную Внешнеполитическую стратегию, встроенную в Стратегию национальной безопасности. Последней, в свою очередь, надо стать частью Стратегии национального развития и безопасности России в XXI в. Разрабатывать эти документы нужно одновременно, усилиями всего политического класса России, включая экспертное сообщество.

Безопасность в тисках глобализации

Сегодня важно методологически разобраться с взаимодействием таких ключевых понятий, как безопасность, национальная идентичность, глобализация и конкурентоспособность, национальные интересы. Становление политики безопасности России в первую очередь связано с поиском ею своей национальной идентичности и, соответственно, определением национальной стратегии развития, а также с происходящими в мире противоречивыми процессами глобализации. Пять из них непосредственно влияют на национальную и международную безопасность: демократизация, экономизация и информатизация, культурная стандартизация и ценностная универсализация. Эти процессы неизбежно наталкиваются на национальную идентичность как на препятствие своему естественному развитию. Возникает угроза поражения центрального идентификационного ядра, хранящего наиболее устоявшиеся, накапливающиеся порой тысячелетиями и потому наиболее прочные представления различных этнонациональных общностей о себе самих.

Сохранение и укрепление этого ядра и составляет важнейшую задачу национальной безопасности, поскольку национальная идентичность является ее сущностной основой и одновременно ресурсом конкурентоспособности в условиях глобализации. Причем для многих стран это означает уже не только выбор адекватной конкурентоспособной стратегии развития, но и превращается в вопрос национального выживания. При этом развиваются многообразные конфликты, исход которых зависит от прочности или рыхлости сложившихся национальных идентичностей, их бескомпромиссности и жесткости, невосприимчивости к новому, или, напротив, их гибкости, способности к адаптивному изменению, обновлению без утраты культурных идентификационных ядер. Глобализация, стремящаяся перемолоть национальную идентичность – это своего рода квалификационный турнир для таких ядер. СССР, Югославия, Чехословакия распались во многом именно потому, что оказались неконкурентоспособными (хотя в каждом из случаев были и другие, особые причины для дезинтеграции). В конце XX в. на грани распада оказалась Российская Федерация. Сегодня «на прочность» уже испытывается Китай (сепаратизм Тибета). Завтра под ударом могут оказаться и другие, внешне вполне успешные и устойчивые государственные образования.

Утрата идентичности ведет к потере не только национальных ценностных ориентиров, но и значительной части суверенитета. Это, в свою очередь, означает

отказ от национальных интересов, неспособность государств к самостоятельной как внутренней, так и внешней политике. И напротив, четкое самоопределение, твердая опора на национальные идентификационные коды, открывает возможность проводить собственный внутри- и внешнеполитический курс в мировых делах.

Поскольку идентичность – структурный компонент конкурентоспособности государств, то она сама вовлекается в водоворот всемирной конкуренции. Идет «битва идентичностей». И выигрывают те страны, чья идентичность имеет историческую, культурную, этническую и политическую глубину и силу. Государства, слабые в этом отношении, вынуждены лишь наблюдать, как их идентичности растворяются в процессах глобализации.

С другой стороны, «тупо» сопротивляться глобализации не только невозможно, но и контрпродуктивно. Овладев ее «правилами игры», следует использовать возможности, которые она предоставляет, а желательно – влиять на эти правила. Необходимо, по возможности, быть не только объектом, но и субъектом глобализации. Каждая страна является ее объектом. Но лишь немногие – субъектами. Например, Япония – и объект, и субъект глобализации. Испытывая давление американизации, она является ее объектом. Но, трансформируя заимствованные ценности и передавая их в адаптированном виде азиатским странам, она выступает в роли ее субъекта.

Демократизация современного мира диктует необходимость общих правил игры как во внутренней, так и во внешней политике, необратимо меняя иерархию основных элементов социума. На первое место объективно выходит личность, на второе – общество, оттесняя государство на третье место. Любая страна, претендующая на сколько-нибудь заметную роль, вынуждена строго соблюдать эту иерархию. Ни одно государство не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую – за ее пределами. С другой стороны, если не учитывается внешняя ситуация, то какие бы не принимались усилия по формированию национальной стратегии развития, они легко опрокидываются всемирными глобальными потоками и процессами в финансовой, производственной, социальной, экономической, политической и т. д. сферах. Глобализация стирает грани между внешней и внутренней политикой. Уже одним этим национальная идентичность в начале XXI в. серьезно ограничивается, попадая в зависимость от демократических механизмов и институтов, которые также имеют тенденцию к глобализации.

Экономизация, ведущая к формированию единого мирового экономического пространства, делает нежизнеспособными модели национальной безопасности, основанные на изоляционизме, а интеграцию в это формирующееся пространство – единственным способом защиты национальных интересов. Отказаться от интеграции значит отказаться от полноценного развития. Но именно развитие – ключевая предпосылка национальной безопасности. Ни одно общество не может быть конкурентоспособным, не став частью мирового пространства. Этот фактор помимо прочего определяет приоритетность геоэкономических механизмов обеспечения национальной безопасности по сравнению с геополитическими и геостратегическими, поскольку геоэкономика становится приоритетом мирового развития. Однако такая интеграция порой ведет к размыванию национальной идентичности, ее растворению в процессе экономизации.

Информатизация, формирующая единое мировое информационное пространство и глобальное сетевое общество, умножает интеллектуальный ресурс, способствуя устойчивому развитию, достижению благополучия и безопасности личности и общества. С другой стороны, информационные технологии не являются абсолютным благом. Они создают возможности для контроля над массовым сознанием и манипуляции им во внутренней политике, а также эффективные средства воздействия на национальные сообщества со стороны наиболее оснащенных в этом отношении государств, а,

следовательно, и новые угрозы национальной безопасности. Глобальные информационные потоки объективно ведут к размыванию идентичности.

Культурная стандартизация, будучи следствием информационной открытости, взрывает некогда замкнутые культурные идентичности. Выживают лишь те культуры, которые способны к адаптации к меняющемуся миру, восприятию новейших достижений мировой цивилизации, при этом не теряя своей самобытности. Яркий пример такой адаптации – японская культура. Впрочем, противоположных примеров гораздо больше: это и испанская, и турецкая и мексиканская, и аргентинская, и много других культур, не выдержавших столкновения с натиском культурной унификации. Они сохранились лишь как культуры фольклорные: испанская коррида, турецкий ислам, мексиканская кухня, аргентинское танго... Глобализация перемолола культурные ядра национальных идентичностей, сделав граждан этих стран «гражданами мира», и оставила от этих ядер лишь некий набор туристических курьезов. Очевидно, вслед за ними уже идут (причем «задыхаясь и млея») все государства Восточной и Центральной Европы (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Румыния), страны Балтии, в последнее время, похоже, Грузия, Украина и Молдавия (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан пока находятся в орбите притяжения России). На очереди – Великобритания, Франция, Германия. Сами США испытывают мощный вызов со стороны мексиканских эмигрантов, которые не желают растворяться в «плавильном котле».

И, наконец, самые «крепкие орешки» – это Китай, Индия и Россия, имеющие более чем тысячелетнюю культурную историческую традицию. Все они – и это признают все серьезные наблюдатели – демонстрируют свои высокие адаптационные способности. Именно эти три культуры (и только они!) рационализировали свою национальную, а затем и политическую идентификацию, всегда, когда они сталкивались с влиянием иных культурных стандартов. Более того, вопрос об их идентификации остро вставал именно в условиях чужеродного давления. Отторжение инородной ткани, «чужой группы крови» и стимулировало в них процесс собственной культурной идентификации. Во всех трех случаях были продемонстрированы поразительно высокий адаптационный потенциал: Индия «переварила» британскую культуру; Россия – коммунистический проект и сейчас «переваривает» либеральный. Китай «переварил» коммунизм в его советской интерпретации, а сейчас «переваривает» не только западный экономический либерализм, но и американский культурный глобализм.

Сказанное, однако, не означает, что эти три страны гарантированы от угрозы культурной стандартизации и обладают стопроцентно надежными культурными иммунными системами. Решающая битва за национальную идентичность еще впереди. И ее исход зависит от того, смогут ли они противопоставить глобализации более мощные и убедительные национальные проекты. Очевидно также, что самым слабым и уязвимым звеном в этой «тройке» является Россия.

Наконец, глобализация настаивает на **универсализации ценностных ориентиров**. При помощи тех же массовых информационных технологий (в первую очередь телевидения и Интернета) она наглядно демонстрирует преимущества западной модели развития и, соответственно, западных ценностей: индивидуальной свободы, прав человека, демократических механизмов, рыночной экономики, правового государства, гражданского общества, нанимающего это государство. Это, однако, означает, что многие ценности, которым традиционно следовали, например, Китай, Индия и Россия, а именно: коллективизм, государственный патернализм, авторитарные механизмы управления, государственный дирижизм в экономической жизни и т.п. в условиях глобализации, как минимум, поставлены под сомнение. С другой стороны, пока остается далеко не ясным, будут ли традиционные западные ценности «работать» в условиях быстро наступающей постэкономической эпохи. Вполне возможно, что в этой эпохе будут более востребованы ценности незападного типа. Так что России, Индии и Китаю, возможно, не следует

окончательно и бесповоротно отказываться от своих традиционных ценностей, которые еще, быть может, пригодятся не только им, но и всему человечеству.

Глобализация создает преимущества для наиболее развитых в социально-экономическом и технологическом смысле государствами (США, стран Евросоюза, Японии), что ведет к растущему разрыву между ними и развивающимися экономиками. С другой стороны, именно развитые страны – в силу накопленного богатства, образа жизни, ценностей и поведенческих стереотипов – стали в условиях глобализации и создания сетевого общества наиболее уязвимыми для новых вызовов и угроз национальной безопасности. Распространение телевидения, сделавшего общедоступными образы и стандарты недостижимо богатого западного общества, стимулировало в некоторых бедных странах (прежде всего мусульманского мира) волну антизападных настроений.

Процессы глобализации, с одной стороны, размывают классический национальный суверенитет, а с другой, способствуют подъему национального самосознания малых народов, поддерживая тенденцию к увеличению числа субъектов международных отношений. Принцип самоопределения вплоть до отделения, применяемый к национальным меньшинствам многонациональных государств, ведет к росту количества недееспособных государственных образований. Одновременно обостряется кризис национальной идентичности уже устоявшихся государств, в том числе таких, как Германия, Франция, США и Россия. Все это серьезно влияет на обеспечение как национальной, так и международной безопасности.

Кризис системы международной безопасности

В условиях глобализации и распада старого мирового порядка в результате развала СССР и биполярного мира произошло резкое падение уровня управляемости международными процессами. Резко возросла региональная и отчасти глобальная нестабильность. Это, в частности, привело к тому, что национальная безопасность оказалась тесно связанной с безопасностью международной. Международное измерение национальной безопасности, которое и раньше никем не оспаривалось, многократно возросло. Отныне любое государство, в том числе и Россия, может чувствовать себя в относительной безопасности лишь в условиях формирования нового, более справедливого мирового порядка. Это, в свою очередь, расшатывает основы Вестфальской системы и ведет к кризису системы международной безопасности, созданной после 1945 г.

На региональном и локальном уровнях возрастает опасность межгосударственных вооруженных конфликтов и их неконтролируемой эскалации. В первую очередь это касается Ближнего и Среднего Востока, очаги потенциального противостояния есть на Балканах, а также на постсоветском пространстве: Ферганская долина, Крым, Приднестровье, Джавахетия, Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия (в последних двух случаях они уже вылились в вооруженные конфликты) и в некоторых странах Африки. В мире нарастает дестабилизация и даже хаос.

Международному сообществу навязывается гипертрофированное значение фактора силы. Практика односторонних, нелегитимных с точки зрения международного права действий со стороны ряда держав, равно как и усилия по продавливанию своих позиций при полном игнорировании законных интересов других партнеров серьезно подрывают стабильность.

Уже сейчас очевидно, что практически все механизмы поддержания международной безопасности, созданные после Второй мировой и в годы холодной войны (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.), неадекватны вызовам начала столетия. Попытки реформировать эти структуры пока успеха не имели.

Все большую роль в мире играют страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь Китай. Это усиливает конкурентную борьбу с возможной военно-силовой составляющей. В различных регионах обостряются национальные и социально-экономические проблемы, возникает опасность гонки вооружений на региональном уровне, распространения оружия массового уничтожения (ОМУ), терроризма, наркобизнеса и т.п. Опасный вызов региональной и международной стабильности – рост национального и религиозного экстремизма.

Обостряется соперничество за энергоресурсы. Опасения за незыблемость контроля над ресурсами толкает государства к наращиванию своих оборонных усилий. Страны – потребители энергоресурсов заигрывают с идеей использования военно-политических инструментов для силового обеспечения доступа к ним («энергетическое НАТО»).

В мире вновь развернулась неконтролируемая гонка вооружений. Сегодня она вышла на новый качественный уровень, а ее масштабы в ряде регионов превышают даже пиковые показатели времен холодной войны. Это происходит на фоне деградации глобальных и региональных режимов контроля над вооружениями. Отсутствие международных процедур контроля за торговлей обычными вооружениями приводит к их стремительному распространению, в том числе и среди криминальных структур. Растет угроза появления так называемых дестабилизирующих вооружений, ядерных зарядов малой мощности, стратегических ракет с неядерными боеголовками.

Среди главных причин новой глобальной гонки вооружений – нарастающая дестабилизация международных отношений, а также политика Соединенных Штатов по «принуждению к миру» и «навязыванию демократии». Инициированные Вашингтоном конфликты в Ираке и бывшей Югославии продемонстрировали призрачность надежд на международные гарантии безопасности, заставили другие государства искать защиту своего суверенитета в укреплении вооруженных сил. Импорт вооружений наращивают не только откровенно антиамериканские режимы, но и те, кто, не имея собственной военной промышленности, вооружается на всякий случай – Малайзия, Вьетнам, ОАЭ. Еще один важный фактор – свертывание «ядерного зонтика», под которым чувствовали себя в безопасности сателлиты Советского Союза и США, ослабление сдерживающей роли ядерных потенциалов последних. В ряде случаев все это заставляет многие страны переходить в вопросах обороны к опоре на собственные силы.

Одновременно сами США выступают лидером мировой гонки вооружений в количественном и качественном отношении. При этом о «гонке за лидером» не может быть и речи, поскольку нынешний военный бюджет Соединенных Штатов составляет примерно половину всех мировых расходов на оборону. В 2009 г. общие военные расходы Вашингтона составили больше 700 млрд долл. (России – чуть больше 30 млрд долларов.) При этом американские военные расходы носят инновационный характер: на разработку и испытание новых систем вооружений ассигновано 75,7 млрд долл. Только на программы ПРО, военного использования космоса, а также ядерных вооружений Пентагон запросил 51,1 миллиардов долларов. Активно разрабатываются новые виды вооружений на новых физических принципах – геофизическое, ионосферное, ЭМИ-оружие и др.

В отношении **ядерного фактора** важно учитывать следующие тенденции.

- Несмотря на сведение к минимуму вероятности возникновения крупных войн и военных конфликтов между ведущими державами, кардинального уменьшения роли ядерного оружия (ЯО) в мировой политике пока не наблюдается. (Эта тенденция может измениться не ранее, чем через 15–20 лет, но если распространение ЯО пойдет по нарастающей, весьма вероятным может оказаться повышение его роли в новом «ядерном веке»). Напротив, террористические акты и меняющиеся приоритеты угроз ведут к опасному снижению порога применения ядерного оружия, росту вероятности его применения и возможной неконтролируемой эскалации. Этому же способствует дальнейшее распространение ОМУ и средств его доставки.

- Накопленный в США технологический задел и результаты натуральных испытаний компонентов ПРО свидетельствуют о возможности уже в среднесрочной перспективе (5–10 лет) развернуть ограниченную противоракетную систему, плотность которой можно будет постоянно наращивать. Интересам России в течение следующих 15–25 лет она вряд ли сможет угрожать, особенно если она продолжит модернизацию своего стратегического ядерного потенциала. Но ввод в действие американской системы ПРО будет способствовать «перенацеливанию» ядерных сил других стран с американских объектов, возможно, и на объекты России, что, в свою очередь, будет дестабилизировать стратегическую обстановку в мире.

Серьезность этих вызовов усугубляется тем, что «централизованный» режим контроля над вооружениями, который в целом обеспечивал предсказуемость военно-политической ситуации, достаточное стратегическое предупреждение и, по существу, устранял опасность внезапного нападения, будет и дальше деградировать. Срок действия двух важнейших российско-американских договоров в области ограничения и сокращения стратегических вооружений истекает. В 2009 г. истек срок действия Договора о стратегических наступательных вооружениях, а новый Договор от 5 декабря 2009 г. носит формальный характер. В 2012 г. истекает срок действия Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Инспекции по Договору о ракетах средней и меньшей дальности прекращены в связи с окончанием в мае 2001 г. 13-летнего срока инспекционной деятельности (но запрет на производство таких ракет пока продолжает действовать, поскольку это бессрочный договор). Скорее всего – прежде всего по причине расширения НАТО на Восток – будет разрушен Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Рассчитывать же на новые серьезные соглашения в этой области с США и НАТО не приходится. Несмотря на ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний тремя ядерными державами – Россией, Великобританией и Францией – перспектива его вступления в силу остается безнадежной (из-за позиции Соединенных Штатов, Китая, Израиля, Ирана, Индии, Пакистана, КНДР и некоторых других стран, обладающих ядерными технологиями).

Договор от 5 декабря 2009 г. – это, скорее всего, последнее соглашение такого рода, которое было заключено между Россией и США. Дальнейшие сокращения будут проходить в лучшем случае путем параллельных односторонних шагов, а возможно, и вообще без взаимных согласований, т. е. по мере прежде всего технической и экономической целесообразности, которую каждая из сторон будет определять самостоятельно, без каких бы то ни было консультаций. Плохо это или хорошо для международной безопасности, стратегической стабильности и двусторонних отношений – пока неясно.

Поскольку в ближайшие два-три года США, скорее всего, не смогут окончательно выйти из Ирака, они вряд ли будут способны провести другие военные операции такого же масштаба. В то же время в отношении Ирана нельзя исключать возможности военно-силовой акции в виде высокоточных ударов по объектам ядерного комплекса и по иным военным и инфраструктурным объектам. Удар сможет нанести новая администрация США, которая будет вынуждена выводить войска из Ирака и подталкиваться к применению силы, чтобы компенсировать поражение. В любом случае на Ближнем Востоке не исключены военные конфликты типа израильско-ливанского (2006 г.) с вовлечением двух и более стран, включая Израиль и Иран. Они могут начинаться по аналогичному сценарию – как борьба Израиля с транснациональными террористическими организациями на территории ряда арабских стран. Тем более, что пока американцы увязли в Ираке, активность таких организаций будет возрастать. Когда же США оттуда все-таки уйдут, высвободятся десятки тысяч боевиков, натренированных за годы войны для террористической деятельности. Этот «террористический интернационал» распространит свою деятельность повсюду, в том числе и на Россию. Неизбежен и дальнейший повсеместный рост антиамериканских и антизападных настроений (Россия

также частично будет их объектом) наряду с ощущением полного провала Соединенных Штатов в качестве «мирового полицейского». В мире возникнет вакуум безопасности, а развитие событий пойдет по наихудшему сценарию: распадающийся Ирак, рост исламистского терроризма, неспособность Вашингтона ему противостоять при сохранении желания продемонстрировать миру, что США – все-таки не «бумажный тигр».

Исламский мир – пока лишь виртуальный политико-цивилизационный субъект. Мусульмане объединены конфессионально, но разделены по политическим школам, отношению к природе политической власти, собственной религиозной истории, режимам и т.д. Однако в стратегической перспективе исламская община представляет собой мощный ресурс сопротивления новому мировому порядку, если он, как это происходит сегодня, будет формироваться без учета ее интересов. Если и далее к исламскому миру не будут относиться с должным уважением, может усилиться и даже возобладать исламистский экстремизм, что чревато «конфликтом цивилизаций». (При этом неизвестно, что для экстремистов означает уважение.) Самая пугающая перспектива – захват власти исламистами в Пакистане либо в результате военного переворота, либо через легитимную процедуру выборов. Тогда в их руках оказалось бы ЯО.

Рост разрыва между сверхбедными и сверхбогатыми странами, ведущий к маргинализации не только отдельных государств, но теперь уже и целых регионов, нарастание «веймарского синдрома» в исламском мире, будут способствовать эскалации действий транснациональных террористических организаций, в том числе в отношении стран Большой Европы, в которую входит и Россия. Уровень террористической активности будет оставаться, по крайней мере, столь же высоким, как в 2001–2006 гг., а скорее всего возрастет, если не будет принято скоординированных радикальных мер, включающих военно-силовые и целый ряд других действий.

С этой проблемой связана и другая — практическая неспособность международного сообщества решить проблему так называемых падающих, или несостоявшихся государств. Военная агрессия Грузии в августе 2008 г. против Южной Осетии, которая привела к человеческим жертвам, гибели российских граждан и миротворцев, вынужденному (но справедливому и имеющему правовую основу) военному вмешательству России, показала чрезвычайную взрывоопасность проблемы непризнанных государств. Нерешенность этой проблемы способна спровоцировать новые конфликты (на очереди – Нагорный Карабах и Приднестровье) уже в течение ближайших двух-трех лет, в которые, скорее всего, будет вновь втянута Россия.

Если ответственные члены мирового сообщества в ближайшие три-четыре года не предпримут ничего существенного для купирования или хотя бы смягчения перечисленных вызовов и угроз, последние будут нарастать. До начала мирового экономического кризиса казалось, что часть из них удастся смягчить благодаря продолжению мирового экономического роста. Сегодня эти надежды рухнули. Но сами проблемы не ушли. Ими неизбежно придется заниматься. Если это не сделать своевременно, то для их отражения потребуются значительно большие усилия и ресурсы, при этом нельзя исключить и катастрофу.

К 2020 г. могут появиться еще три-шесть ядерных (во всяком случае, де-факто) держав. Если к 2015 г. Иран приобретет такой статус (а скорее всего, так и будет), то это может стать спусковым механизмом для окончательного краха Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), и при худшем варианте развития событий еще ряд стран может приобщиться к «ядерному клубу» в последующие 10 лет, в том числе те, которые готовы сделать выбор в пользу безъядерного статуса (Южная Корея, Япония, Тайвань, Ливия, Сирия, Египет, Саудовская Аравия, Алжир, Турция, Бразилия, Аргентина).

Таким образом, уже через 8-12 лет Россия и мир вполне могут оказаться перед лицом ядерных кризисов, лавинообразного распространения ядерных арсеналов в других странах, в т.ч. с неустойчивыми режимами, в которых условия хранения

ядерного оружия и требования по исключению несанкционированного доступа и применения этого оружия будут на самом низком уровне. Вместе с реальной возможностью ядерного терроризма все это может создать такие угрозы не только региональной, но и глобальной безопасности, по сравнению с которыми все другие вызовы и угрозы – экологические, энергетические и прочие – отступят далеко на задний план.

Что касается Запада и Востока, то здесь нельзя исключать появления вызовов, но прямая военная угроза с этих направлений маловероятна. Правда, если не будет создан действенный механизм партнерства между Россией и НАТО, если альянс останется замкнутым военным блоком и не будет трансформирован в миротворческую организацию с российским участием, а военная инфраструктура НАТО еще ближе придвинется к нашим границам, то положение существенно осложнится. Потенциальное включение в НАТО Украины – один из крупнейших военно-политических вызовов России в ближайшие 10 лет. Это создаст дугу миникризисов, в том числе спровоцированных местным населением, надолго отбросит Украину назад, создаст серьезные проблемы для России и Европы в целом. Многие в России сочтут такой шаг провокацией и объявлением новой холодной войны. Главное же, что при таком развитии событий не будет создана эффективная система евроатлантической, а, следовательно, и глобальной безопасности. Рост отчуждения за последнее время между Россией и Западом представляет поэтому одну из главных угроз национальной безопасности.

На Большом Ближнем Востоке, возможно, произойдет дестабилизация, частью которой могут стать две-три локальные войны масштаба израильско-ливанской лета 2006 г. В них, вероятно, будут втянуты Израиль и Иран.

На Дальнем Востоке Китай, по всей вероятности, активизирует попытки вернуть себе Тайвань, что может вызвать острейший кризис китайско-американских и китайско-японских отношений. Такой ход событий вряд ли отвечает интересам России, поскольку будет означать резкую дестабилизацию всего АТР с труднопредсказуемыми последствиями.

Если не удастся создать региональные системы безопасности в Большой Европе и АТР, а главное – в Центральной Азии и на Ближнем Востоке, укрепить механизмы глобальной безопасности под эгидой модернизированной ООН, то к 2015—2020 гг. нельзя исключать возобновления типичного для полицентричной системы международных отношений острого соперничества между новыми центрами силы. Они будут конкурировать за господство над регионами, имеющими для нас жизненно важное значение, и даже над некоторыми районами самой России.

В свете сказанного, попробуем дать краткую оценку утвержденной Д.Медведевым 12 июля 2008 г. новой Концепции внешней политики. Она содержит три ключевых тезиса: упор на всемерное укрепление международного права как основы межгосударственных отношений и формирования системы международной безопасности, ставка на ООН и ее Совет Безопасности как на безальтернативную международную организацию, наделенную уникальной легитимностью, и задача снижения фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Конечно, эти задачи благородны и пронизаны высоким морально-нравственным пафосом, что само по себе можно только приветствовать. Другой вопрос, как они соотносятся с современными реалиями мировой политики. История, например, свидетельствует, что международное право – это не столько свод неких абстрактных, пусть и благородных, принципов поведения во внешней политике, сколько фиксация имеющегося на данный момент соотношения сил на мировой арене.

Например, Вестфальский мир 1648 г., заключенный после Тридцатилетней войны, констатировал разгром Священной римской империи германской нации и папства – двух главных субъектов мировой политики того времени. По условиям этого мира Франция обеспечила себе доминирующие позиции в Европе на 150 лет, отодвинув на задний план Испанскую монархию. После поражения наполеоновской Франции в 1812 г. лидирующие позиции на несколько десятков лет заняла Российская империя, что было

закреплено в документах Венского конгресса и в конфигурации Священного Союза. После ее поражения в Крымской войне 1854—1856 гг. новое соотношение сил было зафиксировано в документах Парижского конгресса – Россия потеряла позиции лидера. Франкфуртский мир 1871 г. констатировал ослабление Франции и усиление Германии, объединенной «железным канцлером» О.Бисмарком. Версальский мир 1918 г. означал закрепление в международном праве, в том числе и в Лиге наций, нового соотношения сил: Германия как побежденная страна вынуждена согласиться на унижительное положение в мировой системе, Оттоманская империя ликвидирована, и на первые позиции вышли Великобритания, Франция и США. После Второй мировой войны в лигу «сверхдержав» вышли лишь две страны – СССР и США, что и было закреплено в документах послевоенного урегулирования, включая документы ООН (при формальном равенстве всех пяти постоянных членов Совбеза – СССР, США, КНР, Великобритании и Франции).

Вполне очевидно, что после распада СССР в 1991 г. в мире сложилось новое соотношение сил, которое уже не отражало основных положений Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Подписанные в 1945 г. документы уже не могут быть единственным источником международного права, и настаивать на этом бессмысленно и контрпродуктивно. Можно, конечно, осуждать односторонние действия США, в частности, в Югославии и Ираке, однако нельзя не видеть, что они лишь свидетельствуют о разрушении того международного права, которое фиксировало соотношение сил, сложившееся более 60-и лет тому назад. Апелляция же к этому международному праву (а в новой Концепции внешней политики РФ это делается 22 раза) есть уже признак не силы, а слабости.

Едва ли имеет большой смысл в современных условиях слишком настойчиво подчеркивать исключительную роль ООН (она упоминается в Концепции 23 раза) в построении новой системы международной безопасности. Эффективность и авторитет этого механизма год от года падает по вполне объективным причинам; анахронизм его процедур, включая процедуры принятия решений в Совбезе, становится все более очевиден. Попытки же реформировать эту организацию, похоже, провалились.

Наконец, трудно признать политически перспективным и призыв понизить роль фактора силы в международных отношениях: напротив, в них налицо тенденция к возрастанию этого фактора, в том числе и фактора военной силы, как бы нам ни хотелось обратного.

Таким образом, следует констатировать, что все три основополагающих тезиса новой Концепции – апелляция к укреплению норм международного права, авторитета ООН и к снижению фактора силы в мировой политике – к сожалению, плохо реализуемы в современных условиях и, следовательно, едва ли могут служить сколько-нибудь убедительным признаком роста внешнеполитического потенциала России. В отсутствие реальной силы, в том числе и военной, подобная внешняя политика неизбежно сводится к бесконечной подаче жалоб и более ни к чему. Сами же по себе благородные призывы к «гуманизации международных отношений», не подкрепленные «мягкой» и «жесткой» силой, не способны стать реалистичной основой роста международного влияния кого бы то ни было в прагматичном и даже во многом циничном и жестоком мире.

И это убедительно подтвердили события на Кавказе. Грузия при попустительстве (а точнее, покровительстве) США грубо проигнорировала международное право. Совет Безопасности, отказавшийся осудить агрессию, в который раз показал себя беспомощным и малополезным органом. Россия, до последнего момента пытавшаяся предотвратить войну, была обязана принять адекватные меры для защиты своих миротворцев и народа Южной Осетии от грузинских агрессоров, что она и сделала. Военная сила вновь оказалась верховным арбитром мировой политики. Применяв ее, Д.Медведев в известной мере пересмотрел утвержденную им 12 июля 2008 г. (т.е. за три недели до начала конфликта) новую Концепцию, которая не выдержала столкновения с реальностью.

Безопасность и развитие страны

Разберемся теперь с методологическими подходами к соотношению таких понятий, как безопасность, развитие, защищенность жизненно важных интересов, объекты и субъекты безопасности.

С середины 30-х до конца 80-х годов, в качестве основной модели решения теоретических и практических проблем безопасности выступала парадигма государственной безопасности, в рамках которой все проблемы безопасности страны решались на основе приоритета интересов государства – основного субъекта и объекта обеспечения безопасности. Научное обоснование системы государственной безопасности проводилось в этот период в основном в закрытых научных и учебных заведениях органов государственной власти, Комитета государственной безопасности, Министерства обороны и Министерства внутренних дел СССР.

С конца 80-х – начала 90-х годов началось становление новой парадигмы национальной безопасности, охватывающей в порядке приоритетности безопасность личности, общества и государства.

В основополагающих отечественных документах по национальной безопасности, как правило, имеются специальные разделы, в которых определяются главные (основные) направления политики национальной безопасности, которые, в свою очередь, задают концептуальные рамки определения приоритетов внутренней и внешней политики государства. Помимо всего прочего это подчеркивает еще один из важнейших методологических принципов – принцип неразрывного единства внутренней и внешней политики. При этом на первое место ставятся приоритеты внутренней политики, исходя в том числе из того, как понимается безопасность в этих документах – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства. Главным же источником угроз и вызовов национальной безопасности в них декларируется внутренняя обстановка в стране, которая порождает внутренние проблемы и усугубляет внешние негативные факторы, затрудняет противодействие им.

Глобализация, как уже подчеркивалось, стирает грани между внешней и внутренней политикой. Слияние этих двух важнейших направлений государственной деятельности в области национальной безопасности означает, в частности, что любая страна, претендующая на то, чтобы с ней считались другие страны, уже не может себе позволить одну политику внутри своих границ и принципиально другую – за и пределами. Полуфеодалные во многих своих проявлениях отношения, до сих пор сохраняющиеся в целом ряде сфер российской экономики и политики, категорически несовместимы с постиндустриальной архитектурой внешней среды. Подобное "раздвоение" политического сознания российского истеблишмента в случае его упрямого и бездумного воспроизводства, поставит крест на перспективах страны как сильного и самостоятельного игрока на международной арене. Эффективная государственность и авторитарный феодализм в XXI в. абсолютно несовместимы.

Исходя из вышесказанного, политику национальной безопасности можно определить как деятельность государства, всего общества и каждого гражданина в отдельности, направленную на защиту национальных интересов и ценностей и их приумножение.² Однако обеспечение национальной безопасности в важнейших государственных документах не ограничивается функцией защиты и не сводится к ней, а совмещено с идеей прогрессивного развития. В оно, в свою очередь, в этих документах трактуется как демократическое, с одной стороны, и устойчивое – с другой³. Политика национальной безопасности оказывается тесно связанной со стратегией устойчивого демократического развития, является ее неотъемлемой частью и одновременно условием ее реализации⁴.

² В этом контексте "политика" понимается как результат столкновения и последующей гармонизации жизненно важных интересов личности, общества и государства (своего рода "золотое сечение" этих интересов и "результатирующая" их взаимного плодотворного конфликта, ведущего в конечном счете к установлению необходимого и достаточного компромисса). Понятие "политика" здесь существенно отличается от таких, например, понятий, как "управление" и "власть".

³ Переход России к такому развитию провозглашен, в частности, в Указе Президента РФ от 1 апреля 1996 г. "О концепции перехода к устойчивому развитию".

⁴ Понятие «развитие» отличается от таких категорий, как «рост», «эволюция», «модернизация». В

В связи с этим политика национальной безопасности должна быть направлена не только на предотвращение угроз, но и на осуществление комплекса мер по укреплению и развитию прав и свобод личности, материальных и духовных ценностей общества, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства. Речь, таким образом, идет об интегрированной и долгосрочной государственной политике, которая в американской политической мысли, например, определяется даже не как Стратегия национальной безопасности (она излагается в США раз в четыре года), а как Большая Стратегия (хотя она не носит официального характера, но рассчитана по крайней мере на 10-15 лет).

Итак, становится ясным: для того, чтобы приступить к определению главных направлений политики национальной безопасности, а затем и приоритетов внутренней и внешней политики, следует вначале разобраться с идеей и понятием "развитие" (и, соответственно, "Стратегия развития").

Отсюда, в свою очередь, вытекает еще один методологический принцип подготовки документов по национальной безопасности – их строгая иерархия. Его можно сформулировать так: политика безопасности России в ближайшее десятилетие, целью которой является возрождение страны через укрепление российской государственности, удержание нынешних геополитических рубежей, восстановление роли и влияния России на мировой арене в качестве великой державы, должна быть основана на Стратегии национального развития и безопасности в пределах жизни одного поколения. Ее задачей является вхождение России в категорию крупнейших держав мира, лидирующих по качеству жизни и влиянию на мировую политику. В свою очередь, Стратегия национального развития и безопасности должна быть основана на Концепции национальной безопасности России⁵ (включающей ее вековые интересы), задача которой – сохранение, воспроизводство и развитие российского суперэтноса как носителя самобытной национальной культуры, призванной стать одним из важнейших элементов формирующейся в мире интеркультуры.

Два методологических подхода к обеспечению безопасности

Методология политики обеспечения безопасности сегодня нуждается в существенном обновлении за счет освоения современных достижений научной мысли. Речь идет в первую очередь о кардинальном изменении общего подхода к обеспечению безопасности, безотносительно к тому, будь то политика, борьба с преступностью или экология. За словесной формулой «обеспечение безопасности» стоит озабоченность чрезвычайно широким, к сожалению, кругом негативных явлений самого разного масштаба – от угроз жизни и деятельности отдельного человека до опасности глобальных катастроф. И смотреть на проблему безопасности можно с разных позиций: напуганного обывателя, сотрудника правоохранительных органов, ученого – специалиста по теории надежности, Президента страны и т.д.

условиях ничем не ограничиваемого и не сдерживаемого роста (производства, потребления, даже уровня жизни) нередко не может быть развития. В условиях избытка ресурсов надобности в нем просто не возникает. И наоборот: дефицит ресурсов вынуждает именно к развитию. Развитие страны – это не рост производства и потребления (хотя и может сопровождаться их ростом, модернизацией и т.д.), а прежде всего развитие человека, граждан и их сообществ. Оно предполагает не дележ ресурсов, а их умножение посредством выработки новых способов употребления наличного материала и новых технологий в деятельности. А богатство и благосостояние являются не начальным условием, а побочным продуктом развития.

⁵ В современном политическом лексиконе понятие «концепция» употребляется в намного более узком и краткосрочном смысле, что неверно со строго методологической точки зрения. Так за 90-е годы XX в. были разработаны три концепции национальной безопасности – 1993, 1997 и 2000 гг., две последних были утверждены Президентом РФ.

В качестве методологического подхода, адекватного для исследования этого круга проблем, следовало бы, на наш взгляд, использовать применявшийся в 1994—1998 гг. при подготовке целого ряда документов в аппарате помощника Президента РФ по национальной безопасности деятельностный (или системно-деятельностный) подход, разработанный в свое время методологической школой Г.П.Щедровицкого.⁶

Господствующий в настоящее время предметно-отраслевой подход представляет собой современную форму выражения более общего подхода и мировоззрения, который называется натуралистическим. В рамках этого подхода, «опасность—безопасность» есть объективная характеристика внеположенных условий, среды нашей жизни и деятельности. Вектор опасности мыслят как направленный снаружи на систему, безопасность которой хотят обеспечить. Соответственно, деятельность по обеспечению безопасности направляется на преобразование внешней среды, локализацию и блокировку возможных источников опасности в ней и/или на отгораживание от этой среды потенциальных источников опасности. Даже говоря о «внутренних» опасностях, всегда разделяют угрожаемую, подверженную опасности систему и источники опасности, выделяемые и помещаемые, следовательно, вне угрожаемой системы.

В рамках деятельностного (системно-деятельностного) подхода картина представляется ровно противоположным образом: «опасность—безопасность» выступает как характеристика нашей собственной деятельности, а системное представление о последней объединяет воедино источник опасности и угрожаемый объект. Опасность всегда полезнее и продуктивнее трактовать как внутреннюю и связывать ее не с «опасными природными процессами» или кознями «врагов», а с дефицитом собственных средств и методов работы. Иначе говоря, источником любых и всяческих опасностей являемся мы сами, а представления о внеположенных опасностях суть не более чем «превращенные формы», мифологемы психологического происхождения.

Для начала следует развести две указанные позиции по ключевым вопросам. Что именно подвергается опасности и, соответственно, является объектом обеспечения безопасности? В чем источники опасности для этих объектов? Каковы, в самом общем виде, пути обеспечения безопасности, необходимые знания и средства?

При фиксации «состояния опасности» угрожаемыми объектами традиционно считаются предметные образования – люди, их имущество, предметы их жизнедеятельности и труда, территории, производственные процессы и т. п., вплоть до таких «универсальных» объектов, как государство, общество, цивилизация. Источниками опасности считаются «опасные процессы», объективно присущие миру и зарождающиеся в нем – в природе и человеческом обществе, в частности, в связи с «научно-техническим прогрессом» (широко распространен тезис об объективном возрастании опасности аварий и катастроф с ростом достижений науки, техники и производства). Следствием этой идеологемы «опасного окружения» является концепция защиты угрожаемых объектов: задача состоит в исследовании «опасных процессов» как части предзаданной объективной реальности, прогнозировании их поведения и принятии соответствующих защитных мер.

Альтернативная, деятельностная точка зрения исходит, во-первых, из того, что все основные ценности, которым могут угрожать неблагоприятные изменения, вписаны в системы жизни и деятельности человека; негативные явления связываются с разрывами деятельности – невозможностью или трудностью ее осуществления. Отсюда следует, что никаких опасностей вне и независимо от нас и нашей деятельности в природе и технических системах как таковых не существует. Опасны или безопасны сами наши системы деятельности, и зависит это не от свойств материала, с которым нам приходится иметь дело (природы, конструкций, действий других людей и пр.), а от наличия или отсутствия у нас форм организации, методов и средств работы с данным материалом и

⁶ Методологические принципы школы Г.П.Щедровицкого использовались в работе аналитической группы (координатор группы – автор данной статьи) Администрации Президента РФ в 1994–1998 гг. при разработке документов по национальной безопасности.

протекающими в нем процессами в данных условиях. «Соппротивление материала» может быть опасным лишь в той мере и потому, насколько и почему мы не знаем законов его (материала) жизни, не умеем прогнозировать его поведения, не обладаем методами и средствами его оформления, желаемого употребления и контроля.

Из этой точки зрения вытекает принципиально иное понимание и объяснение природы катастрофического положения дел, сложившегося на многих производствах, в общественных структурах, в целых городах и регионах («зонах экологического бедствия») и пр., а также совершенно иная, чем в натуралистической парадигме, концепция деятельности в области обеспечения безопасности – обращенная на ликвидацию дефицита собственных средств, на обогащение знаниями о человеческой деятельности и способностями адекватно действовать в реальных ситуациях.

Системно-деятельностная методология, как представляется, открывает новые возможности для решения многих проблем национальной безопасности. Например, новые подходы к обеспечению национальной безопасности требуют новой ресурсной политики. Согласно господствующему в настоящее время натуралистическому подходу, и в России, и в мире в целом, ресурсы существуют объективно (внеположенно, предзаданно) по отношению к деятельности (т.е. естественно) и должны быть «втянуты» извне в деятельность для ее бесперебойного функционирования в качестве либо исходного материала («сырьевые ресурсы»), либо иных важных компонентов обеспечения («финансовые ресурсы», «кадровые ресурсы» и пр.). Согласно второму, деятельностному представлению, основополагающие рамки для понятия «ресурсы» – целенаправленная человеческая активность. Ресурсы следует понимать как искусственно-естественные. Ими становится то и тогда, для чего и когда появляются возможности и способы употребления этого в деятельности.

Риски, вызовы и угрозы безопасности

Ответ на вопрос, что именно надо делать для обеспечения национальной безопасности (т. е. постановка конкретных целей и задач этой деятельности), напрямую зависит от того, как нам удалось обрисовать предмет национальной безопасности, выделив процессы, жизненно важные для человека как гражданина (в т.ч. процессы, выступающие как интересы общества и государства). Тогда мы можем понять, что представляют собой разрывы, помехи протеканию процессов, с которыми связаны риски, вызовы и угрозы национальной безопасности, и выделить источники этих угроз.

Здесь следует сделать важное методологическое пояснение. Риски, вызовы и угрозы мы рассматриваем как разные степени опасности. В этом терминологическом ряду риски – самый низкий уровень опасности, а угрозы – самый высокий уровень. Важнейший компонент политики национальной безопасности состоит в освоении и умелом применении технологий перевода угроз в вызовы, а вызовов – в риски. Если же риски перерастают в вызовы, а вызовы в угрозы, то это – несомненный признак серьезных сбоев в системе безопасности той или иной страны.

Проиллюстрируем это положение вначале на простом бытовом примере. Любой, даже очень опытный, водитель, садясь за руль автомобиля и выезжая на шоссе, подвергает свою личную безопасность и безопасность своих пассажиров определенному риску. Водитель, превышающий установленную скорость движения, переводит опасность на более высокий уровень – уровень вызова. Если же он садится за руль в нетрезвом виде или ведет машину, не обращая внимания на знаки дорожного движения – то это уже угроза для его личной безопасности и для безопасности пассажиров.

Такая же иерархия уровней опасности существует и для пешехода. Если он переходит улицу в положенном месте, на зеленый свет светофора – это риск; если на красный сигнал светофора, даже при отсутствии машин – это вызов; если же в потоке машин в неполюженном месте – это уже угроза.

Оба этих примера, кстати говоря, подтверждают правильность основного методологического правила мыследеятельностного подхода: опасности существуют не вне нас, а внутри; мы сами их для себя

создаем собственной деятельностью. Иначе говоря, как говорил в «Собачьем сердце» М.Булгакова профессор Ф.Ф.Преображенский, «разруха не в сортирах, а в головах».

Указанные рассуждения применимы к любой проблеме национальной или международной безопасности. Например, сегодня уже доказано, что транснациональный терроризм (и, в частности, движение «Талибан») – это не бог весть откуда взявшаяся проблема, а явление рукотворное, продукт деятельности американских и советских спецслужб, который лишь вышел (или не вышел?) из-под их контроля.

Возможность чеченского вооруженного мятежа представляла собой в 1991—94 гг. лишь гипотетический риск. Его перерастание в вызов, а тем более в угрозу национальной безопасности возможно было тогда предотвратить путем вывоза всей боевой техники и стрелкового оружия с территории республики. Однако по определенным причинам (не будем их здесь анализировать) этого сделано не было, что и привело к двум чеченским кампаниям по подавлению вооруженного мятежа.

Расширение НАТО на Восток – это, конечно, не угроза, а лишь вызов национальной безопасности России, который вполне возможно перевести в категорию риска в случае успешной дипломатической работы по установлению партнерских отношений и трансформации этого военного блока в организацию коллективной безопасности с участием России. То же самое можно сказать и о экономическом и военном усилении Китая: пока это лишь вызов для национальной безопасности, который сегодня не слишком сложно перевести в категорию риска путем укрепления военно-политических и регламентации экономических отношений (включая строгий контроль над миграционными потоками) с этим важнейшим для России партнером.

Отсюда вывод: анализ любой проблемы национальной и международной безопасности должен начинаться с анализа рисков, вызовов и угроз и возможностей перевода угроз в вызовы, а вызовов – в риски.

Однако в свете сказанного выше нельзя не видеть «угрозу» того, что наследие предшествующей исторической эпохи еще долго не позволит нам создать адекватные механизмы выработки решений о национальных интересах и угрозах этим интересам. В Законе «О безопасности» 1992 г. сказано (ст. 15), что «определение жизненно важных интересов личности, общества и государства и выявление внутренних и внешних угроз объектам безопасности» есть первая из основных задач Совета Безопасности Российской Федерации. Не окажется ли так, что выработка соответствующих решений станет – в силу привычных методов ее организации – кабинетной работой, мало затрагивающей, как минимум, «личность» и «общество»?

Конечно, с одной стороны, сегодня можно достаточно четко обозначить главные направления поиска угроз национальной безопасности России, опираясь как на методологические представления о сущности обеспечения безопасности, так и на анализ современного состояния страны. Но с другой стороны, видна и проблемная сторона этой работы, ставящая на повестку дня, строго говоря, не вопрос «что является угрозами?», а вопрос «как определять угрозы национальной безопасности при сегодняшнем состоянии российского общества?» (впрочем, последний вопрос в современной социокультурной ситуации можно отнести к любой стране).

Порочность ведомственного подхода

Проблема национальной безопасности имеет свои особенности. Каждый приходит к ней по-разному, и у каждого свой подход. И ни один из этих подходов не оказывается лишним или избыточным. Это говорит о том, что ни на уровне экспертного сообщества, ни на уровне политического класса в целом эта проблематика, конечно, не исчерпана: многие комплексные междисциплинарные исследования еще, несомненно, впереди. Это не всегда понимают представители ведомств, которые порой имеют весьма односторонний и узкий взгляд на национальную безопасность (сужу об этом в том числе и по себе). Тут вспоминается индийская притча о трех слепцах, которые встретили слона.

Каждый из них, ощупав это животное, составил о нем свое представление, совершенно не похожее на представления других. Первый слепой, тронув бок слона, сказал, что это – крепостная стена. Второй, наткнувшись на ноги, стал утверждать, что это – дворцовые колонны. Третий дотронулся до хвоста и заявил, что это веревка. Возможно, были и другие слепцы, которые судили о слоне по хоботу, бивням и другим частям его тела. Этим ни в коем случае мы не хотим сказать, что все, кто занимается проблемой национальной безопасности – слепцы. Это скорее аллегория порочности узковедомственного подхода к вопросам национальной безопасности. При этом неистребимым оказывается желание высокомерно отбросить все, что было сделано раньше, в том числе и национальным академическим сообществом. Ошибочность такого подхода неоднократно подтверждалась у нас на глазах, однако, он продолжает репродуцироваться снова и снова. И системный кризис национальной безопасности, который мы наблюдаем сегодня – результат не только недостаточной профессиональной некомпетентности, но и коренной порочности самого ведомственного подхода. **Перефразируя О.Бисмарка, можно сказать, что игнорировать мнение независимых экспертов сегодня – это не только ошибка, но и преступление. И очень опасное, учитывая деликатность данной проблемы и возможные последствия ее неверного решения. Ведь оно чревато не только крушением амбиций отдельных чиновников и политиков, но и способно привести к массовым человеческим жертвам.**

Проблематика безопасности России с 1991 по 2008 г., с одной стороны, как кажется на первый взгляд, достаточно проработана (о чем говорит огромный объем изданной за эти годы научной литературы), а с другой, всегда актуальной и вечно новой. Этот период уникален, пожалуй, тем, что тогда шли процессы становления новой российской государственности, интенсивного поиска нашей страной новой национальной идентичности. Процессы эти еще далеки от завершения. Но основные интеллектуальные прорывы (в том числе и методологические – и на уровне власных структур, и в экспертном сообществе), концептуальные блоки политики национальной безопасности были заложены в первые 10 лет существования новой России⁷.

Мощный интеллектуальный прорыв, в частности, получил воплощение в Послании Президента РФ по национальной безопасности от 13 июня 1996 г. И хотя оно осталось не слишком замеченным – а было оно выпущено в период между двумя турами президентских выборов, которые тогда носили (впрочем, как и всегда в России) "судьбоносный характер" – это был серьезный вклад и в теорию, и в практику политики национальной безопасности: наиболее важные и принципиальные положения этого документа затем многократно тиражировались и воспроизводились в последующих государственных материалах и выступлениях высшего политического руководства России. При этом особенностью нашей работы была опора на экспертное сообщество, чего сейчас – ни в Администрации Президента РФ, ни в Правительстве РФ – к сожалению, нет.

⁷Автор пришел к проблематике национальной безопасности через практическую работу в Администрации Президента РФ. В 1994 г. он был приглашен на работу в аппарат помощника Президента РФ по национальной безопасности и получил задание подготовить проект политики национальной безопасности, а затем – проект Послания Президента РФ по национальной безопасности Федеральному Собранию РФ. Таким образом, ему и его коллегам пришлось руководствоваться не академическим интересом, а выполнять вполне конкретную практическую задачу, поставленную Президентом РФ. Они прекрасно понимали, что эта задача не могла не быть выполнена и точно в срок, учитывая строгость аппаратной дисциплины. Но они понимали и то, что без добротной методологии и теории такие документы не изобразишь. И тогда по согласованию с помощником Президента РФ по национальной безопасности была создана аналитическая группа независимых экспертов на основе именно междисциплинарного подхода (в нее вошли методологи, глобалисты, экономисты, философы, социологи, эксперты-международники, дипломаты). Эта группа и разработала основные документы по национальной безопасности, в частности, Послание Президента 1996 г.

Должно было пройти время с тем, чтобы положения выработанной тогда политики национальной безопасности прошли испытание. И это произошло. Сегодня можно утверждать: правильность основных положений этой политики была подтверждена. Нынешние чиновники, увы, не используют наработки, которые тогда были сделаны, что будет показано ниже. И не могут избежать системных ошибок, связанных с неверными методологическими и концептуальными подходами к национальной безопасности. Косвенно это подтверждает правильность наработанных тогда подходов.

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года

По сравнению с предшествующими документами по национальной безопасности, новая Стратегия, хотя и не содержит никаких концептуальных «прорывов», делает определенный шаг вперед. Так, в документе во многом верно уточняются угрозы и вызовы национальной безопасности, даются в целом грамотные дефиниции национальных интересов, больший акцент делается на органическую взаимосвязь проблем безопасности и развития. «Главную идею этого документа можно кратко определить как безопасность через развитие» - так сформулировал сущность Стратегии Д.Медведев на заседании Совета Безопасности 24 марта 2009 г. В тексте самой Стратегии сказано, что «концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года».

Проблема, однако, состоит в том, что Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года (Стратегия 2020) была подготовлена правительством РФ еще до начала мирового экономического кризиса, который опрокинул сформулированные в ней весьма амбициозные планы, например, вхождение России к 2020 году в пятерку мировых лидеров по объему ВВП, качеству жизни и влиянию на процессы мировой политики и мировой экономики. В условиях кризиса стало очевидным, что у страны пока нет реалистичной стратегии развития, которая позволяла бы рассчитывать на решение этой задачи, поскольку она не подкреплена ни потенциалом «жесткой», ни потенциалом «мягкой» силы современной России. По всей вероятности, наше правительство полагало: до 2020 г. в мировой экономике ничего, похожего на кризис, не произойдет, цены на энергоносители будут продолжать расти (глава Газпрома Миллер заявил в июле 2008 г., что в 2009 г. нефть будет стоить \$200 за баррель), а с ними будет, как на дрожжах, расти и российская экономика, автоматически обеспечивая стране повышение ее политического статуса. И даже разразившийся мировой кризис не отрезвил наше руководство: в октябре 2008 г. уже в условиях кризиса, кто-то вписал в Стратегию 2020: «мировой финансовый кризис продлится 3-4 квартала и к концу 2009 г. будет преодолен. Россия выйдет из него с минимальными потерями и даже окрепшей».

Стратегия 2020 уже в конце октября 2008 г. бесследно исчезла с сайта Минэкономразвития. В конце 2008 г. была опубликована новая редакция Стратегии 2020, правда, уже без вышеупомянутых амбициозных планов. В этих условиях выпущенная в мае 2009 г. Стратегия национальной безопасности, ссылающаяся на Концепцию долгосрочного развития РФ, просто повисла в воздухе. Складывается впечатление, что и она была подготовлена до начала мирового экономического кризиса, а ее творцы просто «не успели» оценить его крайне негативные последствия для России и для мира в целом. Причем речь идет о тех последствиях, которые должны были заставить кардинальным образом переосмыслить проблемы национальной и международной безопасности. Иными словами, майская Стратегия оказалась устаревшей в тот же день и час, когда она была утверждена. Об этом неопровержимо свидетельствуют уже первые четыре абзаца Стратегии (Общие положения):

«Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века - остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором

национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений.

Реализуется государственная политика в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, адекватная внутренним и внешним условиям. Созданы предпосылки для укрепления системы обеспечения национальной безопасности, консолидировано правовое пространство. Решены первоочередные задачи в экономической сфере, выросла инвестиционная привлекательность национальной экономики. Возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти. Укрепляется общественное согласие на основе общих ценностей - свободы и независимости Российского государства, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа Российской Федерации, уважения семейных традиций, патриотизма.

В целом сформированы предпосылки для надежного предотвращения внутренних и внешних угроз национальной безопасности, динамичного развития и превращения Российской Федерации в одну из лидирующих держав по уровню технического прогресса, качеству жизни населения, влиянию на мировые процессы.

В условиях глобализации процессов мирового развития, международных политических и экономических отношений, формирующих новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства, Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности».

Все это написано явно не про нашу страну в ее нынешнем положении. Не про нас написано в Стратегии и следующее:

«Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются снижение уровня социального и имущественного неравенства населения, стабилизация его численности в среднесрочной перспективе, а в долгосрочной перспективе - коренное улучшение демографической ситуации. Повышение качества жизни российских граждан гарантируется путем обеспечения личной безопасности, а также доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг, достойной оплаты активной трудовой деятельности».

«Одним из главных направлений Российская Федерация на среднесрочную перспективу определяет технологическую безопасность. С этой целью совершенствуется государственная инновационная и промышленная политика, определяются в качестве безусловного приоритета инновационного развития национальной экономики фундаментальная и прикладная наука, образование, совершенствуется федеральная контрактная система и система государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов и рабочих кадров, развивается государственно-частное партнерство в сфере науки и технологий, создаются условия для интеграции науки, образования и промышленности, проводятся системные исследования в интересах решения стратегических задач национальной обороны, государственной и общественной безопасности, а также устойчивого развития страны».

Сетую на «низкие темпы перевода национальной экономики на инновационный тип развития», авторы Стратегии, похоже, не знают, что такой «перевод» еще даже не начат (хотя и продекларирован высшим политическим руководством), а, следовательно, просто не понимают, что это такое.

Если прочитать текст Концепции национальной безопасности 1997 г., можно обнаружить в нем планы по «усилению государственной поддержки инвестиционной и инновационной активности» и ставшие крайне популярными именно теперь, в связи с кризисом, призывы к увеличению «роли государства в регулировании деятельности иностранных банковских, страховых и инвестиционных компаний», к проведению «сбалансированной кредитно-финансовой политики, нацеленной на поэтапное сокращение зависимости России от внешних кредитных заимствований и укрепление ее позиций в международных финансово-экономических организациях». Концепция национальной безопасности 1997 г ратовала за «принятие мер по созданию устойчивой банковской системы, отвечающей интересам реальной экономики, облегчение доступа предприятий к долгосрочным кредитам на финансирование капитальных вложений, оказание реальной государственной поддержки целевых программ структурной перестройки промышленности». В ней также ставились следующие задачи:

«Важнейшие задачи — опережающее развитие конкурентоспособных отраслей и производств, расширение рынка наукоемкой продукции. В целях их решения должны быть приняты меры, стимулирующие передачу новых военных технологий в гражданское производство, введен механизм

выявления и развития прогрессивных технологий, освоение которых обеспечит конкурентоспособность российских предприятий на мировом рынке. Решение указанных задач предполагает концентрацию финансовых и материальных ресурсов на приоритетных направлениях развития науки и техники, оказание поддержки ведущим научным школам, ускоренное формирование научно-технического задела и национальной технологической базы, привлечение частного капитала, в том числе путем создания фондов и использования грантов, реализацию программ развития территорий, обладающих высоким научно-техническим потенциалом, создание при поддержке государства инфраструктуры, обеспечивающей коммерциализацию результатов научно-исследовательских разработок с одновременной защитой интеллектуальной собственности внутри страны и за рубежом, развитие общедоступной сети научно-технической и коммерческой информации».

Как видим, практически **НИЧЕГО** из запланированного за 12 лет действия Концепции не было выполнено. **Невыполненные задачи просто были объявлены новыми.** Актуальность ряда из перечисленных проблем даже возросла из-за продолжившейся деградации российского производственного потенциала. Авторы новой Стратегии крах своих прежних планов признают и сами, когда пишут о том, что угрозой национальной безопасности продолжают оставаться «сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики, снижение конкурентоспособности и высокая зависимость ее важнейших сфер от внешнеэкономической конъюнктуры, потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений». Все без исключения эти пункты были учтены в Концепции 1997 года, и абсолютно все — перешли в новую Стратегию без принципиальных изменений.

К сожалению, авторы Стратегии не вполне адекватно оценивают и международную обстановку. Так, они ошибочно полагают, что в результате укрепления новых центров экономического роста и политического влияния «формируется тенденция к поиску решения имеющихся проблем и урегулированию кризисных ситуаций на региональной основе без участия нерегиональных сил» (до этого, т.е. до отказа США участвовать в урегулировании таких кризисных ситуаций, еще очень далеко), что существует так называемая группа РИК (Россия, Индия и Китай), что «российско-американские отношения имеют ключевое влияние на состояние международной обстановки в целом», что сейчас складывается модель «многополярного мироустройства», что в мире формируются условия для закрепления России «в числе государств-лидеров в мировой экономике», а в перспективе – для ее вхождения «в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта».

По непонятной нам причине ратуя в целях обеспечения стратегической стабильности за «последовательное продвижение к миру, свободному от ядерного оружия», авторы документа возвращаются к одной из худших формулировок стратегической стабильности времен холодной войны:

«В интересах обеспечения стратегической стабильности и равноправного многостороннего взаимодействия на международной арене Россия в период реализации настоящей Стратегии предпримет все необходимые усилия на наименее затратном уровне по поддержанию паритета с Соединенными Штатами Америки в области стратегических наступательных вооружений в условиях развертывания ими глобальной системы противоракетной обороны и реализации концепции глобального молниеносного удара с использованием стратегических носителей в ядерном и неядерном оснащении».

Такое понимание стратегической стабильности было преодолено уже в Концепции национальной безопасности 1997 г., намеренно исключившей задачу достижения паритета России с США как заведомо невыполнимую и бессмысленную в условиях современной военно-политической обстановки.

Явным откатом назад, по сравнению даже с Законом о безопасности 1992 г., является и такой перечень основных приоритетов национальной безопасности России, как «национальная оборона, государственная и общественная безопасность», поскольку безопасность общества отнесена в нем на последнее место, а безопасность личности не

упоминается вообще. Здесь (и не только здесь) очевидная коллизия с действующим российским законодательством.

Выступая за укрепление «единства многонационального народа Российской Федерации», Стратегия даже не ставит такую важнейшую задачу, решение которой является важнейшей предпосылкой сохранения России, как формирование российской политической нации. Исчезло из текста новой Стратегии упоминание важности для национальной государственности развития русского языка и русской культуры (в Концепции 1997 г. написано, что «духовное обновление общества невозможно без сохранения русского языка»). Это также несомненный откат назад. Зато одной из угроз безопасности России объявлен национализм, усилению которого якобы «способствует неконтролируемая миграция».

В новом документе обозначены «основные характеристики национальной безопасности»:

- уровень безработицы (доля от экономически активного населения);
- децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения);
- уровень роста потребительских цен;
- уровень государственного внешнего и внутреннего долга в процентном отношении от валового внутреннего продукта;
- уровень обеспеченности ресурсами здравоохранения, культуры, образования и науки в процентном отношении от валового внутреннего продукта;
- уровень ежегодного обновления вооружения, военной и специальной техники;
- уровень обеспеченности военными и инженерно-техническими кадрами.

Нетрудно видеть, что по всем этим характеристикам состояние национальной безопасности России является плачевным, не позволяя и помышлять о том, что к 2020 году она войдет в пятерку мировых лидеров по ВВП, качеству жизни и влиянию на мировую политику и мировую экономику, что объявлено в Стратегии в качестве главной внутри- и внешнеполитической задачи.

Наконец, в Стратегии вообще не прописан механизм ее реализации, что полностью обесценивает содержание документа. Правда, в нем сказано, что «Государственная политика Российской Федерации в области национальной безопасности обеспечивается согласованными действиями всех элементов системы обеспечения национальной безопасности при координирующей роли Совета Безопасности Российской Федерации за счет реализации комплекса мер организационного, нормативно-правового и информационного характера». Однако уже на следующей странице говорится о том, что «по решению Президента Российской Федерации документы по вопросам внутренней и внешней политики государства *могут* (курсив мой – С.К.) выноситься на рассмотрение Совета Безопасности Российской Федерации». Где же здесь просматривается «координирующая роль Совета Безопасности»? А если ее нет, то нет и механизма реализации.

Зато заключительный абзац Стратегии звучит весьма ободряюще: «Реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года призвана стать *мобилизующим фактором* (курсив мой – С.К.) развития национальной экономики, улучшения качества жизни населения, обеспечения политической стабильности в обществе, укрепления национальной обороны, государственной безопасности и правопорядка, повышения конкурентоспособности и международного престижа Российской Федерации». Беда в том, что идея мобилизации, абсолютно несовместима с построением экономики знаний, инновационного общества, к чему призывает сама Стратегия.

К сожалению, следует констатировать, что выпустив Стратегию национальной безопасности до 2020 года, власть, похоже, вновь наступила на грабли узковедомственного подхода, не раз уже доказавшего свою порочность и контрпродуктивность. Работа, похоже, велась без опоры на научную методологию, без

должной опоры на науку вообще.⁸ А, следовательно, это очередной промежуточный, "проходной", переходный документ. Это значит, мы все неизбежно будем свидетелями новых сбоев в функционировании системы национальной безопасности. И снова за эти сбои вряд ли кто-нибудь ответит. И это не может не беспокоить.

Безопасность: исследовательская повестка дня

Обратим внимание на методологические выводы, которые приобрели в последние годы особую актуальность. Они могли бы стать предметом отдельных комплексных исследований по тематике национальной и международной безопасности, политических проблем международных отношений и глобального развития. Ограничимся пятью позициями.

Первое. Вопросы национальной и международной безопасности находятся в отношениях диалектической взаимосвязи. Этому во многом способствует упомянутое выше стирание грани между внутренней и внешней политикой в условиях глобализации. Далеко не случайно кризис поразил сегодня одновременно системы национальной безопасности отдельных государств, включая Россию, и систему международной безопасности. Любой сбой в системе национальной безопасности, во всяком случае крупных государств, наносит ущерб системе международной безопасности. Системы национальной безопасности отдельных стран становятся по существу кирпичами, а в случае крупных стран – и несущими опорами здания международной системы. Чем они прочнее – тем прочнее это здание. В XXI в. нельзя поэтому строить свою национальную безопасность в замкнутом формате или, что еще хуже, за счет национальной безопасности другого государства или международной безопасности. За попытки это делать приходится жестоко расплачиваться. События 11 сентября 2001 г. это убедительно подтвердили. С другой стороны, наличие брешей в системе международной безопасности больно бьет по безопасности национальной.

Второе. Сегодня, как никогда, стало очевидным, что мы имеем дело с системным кризисом глобального управления. Все без исключения механизмы глобальной безопасности оказались неадекватными новым вызовам и угрозам. На наш взгляд, требуется серьезное развитие этой темы.

Третье. С каждым годом становится все более очевидной необходимость анализа политики национальной безопасности в контексте стратегии развития. При этом в иерархии общегосударственных политических документов стратегия национального развития выступает по отношению к политике национальной безопасности как более общий, а потому первоочередной документ. Без четкого представления о стратегии развития сложно (если возможно вообще) определить, безопасность чего, собственно, следует защищать. А реалистичной стратегии развития у нас как не было, так и нет. В этом одна из фундаментальных причин топтания на месте в вопросах национальной безопасности. Ведь еще классики учили, что если не решить общие вопросы, то при решении более частных мы обречены на то, чтобы постоянно наткаться на эти общие вопросы.

Четвертое. Все более явной становится и необходимость разработки государственной ресурсной политики – и в целях обеспечения национальной безопасности, и в интересах стратегии развития. Здесь у нас также – явный провал. Именно хорошо продуманная и взвешенная ресурсная политика призвана обеспечить конкурентоспособность России как государства, национальной экономики, ее отдельных отраслей, отечественных частных компаний, инновационных систем и проч. в глобальном мире, что является одной из главных предпосылок национальной безопасности.

⁸ Хотя в 203-2004 гг. аппарат Совета Безопасности РФ и провел несколько межведомственных совещаний с участием представителей Российской Академии Наук, их предложения и рекомендации, судя по тексту выпущенной в мае 2009 г. Стратегии, учтены не были.

Пятое. Серьезным пробелом в исследовании проблем национальной безопасности является механизм (механизмы) ее обеспечения. Здесь для исследователя – "непаханное поле", поскольку эффективного национального механизма нет вообще. А то, что есть – это причудливый симбиоз рецидивов управленческого опыта нашего славного прошлого, которое, впрочем, подверглось разрушительной редукции, и копирования западных (в основном американских) наработок. Национального же механизма нет, что, впрочем, неудивительно, поскольку мы еще не определились, какое государство мы строим – "ядро СССР", как выразился В.Путин, реставрируем ли дооктябрьскую Россию или создаем государство "с чистого листа", т.е. с 1991 г. Пока у нас получается некий эклектический гибрид из всех трех вариантов. А потому и механизм обеспечения национальной безопасности – а это в первую очередь четкий и эффективный механизм разработки, принятия и реализации государственных решений в этой области – у нас также носит симбиотический характер. Кстати, этот вопрос также тесно связан с ресурсной политикой, т.е. просчетом актуальных ресурсов. Если я, например, "принял решение" поехать с семьей на Багамы, имея в кармане \$10, то это значит, что я никакого решения не принял, ибо не просчитал свои ресурсы.

Сегодня требуются новые методы актуализации ресурсов. «Ресурсы» возникают в ходе реализации преобразований существующих систем деятельности (или при рождении новых, не существовавших ранее систем). Возникают они в рефлексии и прожективном мышлении творчески мыслящего человека, которого по тем или иным причинам не устраивает функционирование действующих систем. Формирование новых или кардинальное обновление существующих систем выливается в создание нового способа употребления материала в преобразуемой деятельности сверх или вместо того материала, который уже ею организован и в ней используется. По завершении же процесса преобразований, когда новая система деятельности начинает исправно функционировать, «новые ресурсы» снова превращаются в известные, нормативно описанные организованности деятельности («сырье», «технические средства», «кадры» и т.д.), которые должны лишь восстанавливаться, возобновляться по мере «износа» или невозвратного использования в течение всего срока эксплуатации данной системы деятельности.

Новая ресурсная политика призвана обеспечить конкурентоспособность России как государства, национальной экономики и ее отдельных отраслей, отечественных частных компаний, инновационных систем и проч. в глобальном мире, что является одной из главных предпосылок национальной безопасности. Включаясь в процессы глобализации, Россия должна не только реалистично оценивать свой ресурсный потенциал, но и уметь им управлять. Соответственно, необходимы новые механизмы и инструменты осуществления ресурсной политики, которая в условиях жесткой конкуренции национальных государств и других субъектов (ТНК и др.) на мировой арене, становится одним из главных направлений политики национальной безопасности. С точки зрения наблюдателя, Россия по природным богатствам занимает первое место в мире. Но с точки зрения инвестора, менеджера или предпринимателя, нацеленного на использование этих богатств, дело обстоит ровно противоположным образом: у нас нет соответствующих концепций, программ и проектов; эти ресурсы не включаются в хозяйственный оборот, а, следовательно, не являются богатством, никак не способствуя развитию России и благосостоянию ее граждан. Это лишь потенциальные ресурсы. Между тем, обеспечивать их безопасность (сохранность) нужно, что поглощает актуальные, реальные ресурсы и лишь ослабляет страну. Сами же они при этом остаются бесполезными и не вносят вклада в развитие и, следовательно, обеспечение безопасности.

В заключение хотелось бы вновь привлечь внимание к системно-деятельностному методологическому подходу к проблемам обеспечения безопасности. Этот подход, очевидно, имеет превосходство над господствующим во всем мире натуралистическим, является достижением русской мысли конца XX –

начала XXI в., которое – при надлежащем использовании – могло бы дать России важнейшие интеллектуальные преимущества перед другими странами. Хотелось бы надеяться, что российское руководство и, в частности, те чиновники, которые занимаются сложными и захватывающе интересными проблемами национальной и международной безопасности, когда-нибудь созреют до этого понимания.